

ДОСТОЕВСКІИ И КРИЗИСЪ ГУМАНИЗМА

(Къ 50-лѣтію дня смерти Достоевскаго)

---

10 февраля этого года исполняется 50 лѣтъ со дня смерти Достоевскаго (ум. 28 января стараго стиля 1881 г.). За эти полвѣка слава и вліяніе идей Достоевскаго непрерывно возрастали — не только въ Россіи (гдѣ его вліяніе теперь, подѣ ужасающимъ давленіемъ совѣтскаго идейнаго пресса, конечно, можетъ быть только подспуднымъ, и гдѣ даже не можетъ быть справленъ его юбилей), но и во всей Европѣ. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что Достоевскій на Западѣ теперь — безспорно самый популярный, любимый и цѣнимый русскій писатель. И притомъ эта популярность Достоевскаго лишь въ очень малой мѣрѣ опредѣлена чисто художественными достоинствами его произведеній. Достоевскаго цѣнять на Западѣ — и надо сказать, въ данномъ случаѣ (въ отличіе отъ аналогичной, совершенно неправильной западноевропейской оцѣнки Толстого) вполне справедливо — въ первую очередь, какъ религіознаго мыслителя, какъ наставника жизни, какъ генія, принесшаго какія то драгоцѣнныя откровенія въ области челоуѣческаго духа. Конечно, нѣкоторую долю увлеченія Достоевскимъ на Западѣ надо отнести за счетъ наивнаго и снобистическаго интереса къ темамъ Достоевскаго, какъ къ мнимо-реалистическимъ изображеніямъ такъ называемой «русской» души. Но эта поверхностная сторона популярности Достоевскаго совершенно перевѣшивается серьезнымъ вниманіемъ къ существенному общечелоуѣческому смыслу его міросозерцанія.

Такъ дѣло обстоитъ, напр., въ всякомъ случаѣ въ Германіи(1)

---

1) Въ только что вышедшей къ юбилею Достоевскаго книги *Th. Kampmann'a, Dostojewsky in Deutschland*, данъ подробный обзоръ и анализъ большой и въ общемъ солидной нѣмецкой литературы о міросозерцаніи Достоевскаго, накопившейся за эти 50 лѣтъ.

Можно сказать: Достоевскій — единственный русскій писатель, идеи котораго играютъ существенную роль въ духовномъ оборотѣ западной жизни, и который сталъ нѣкоторымъ факторомъ въ идейномъ развитіи западнаго міра.

Чѣмъ объясняется это значеніе Достоевскаго? Разсмотрѣніе этого вопроса подводитъ насъ, какъ мнѣ кажется, къ уясненію и по существу одного изъ самыхъ центральныхъ моментовъ въ міросозерцаніи Достоевскаго.

Тема, вокругъ которой движется вся мысль Достоевскаго, есть *человѣкъ* — истинное, подлинное существо человѣческой личности, — въ отличіе отъ того какъ бы внѣшняго обличія или, можно сказать, той личины, съ которой *человѣкъ* является и другимъ людямъ, и часто даже себѣ самому въ условной, общепринятой сферѣ обычаевъ, приличій, права и даже господствующей морали. Но проблема *человѣка* есть вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, центральная проблема духовнаго развитія и всего европейскаго *человѣка* за 19 и 20 вѣкъ. Въ частности, влияние Достоевскаго падаетъ на эпоху, когда европейской мыслью вновь овладѣваетъ нѣкоторое *недоумѣніе* по вопросу объ истинномъ существѣ *человѣка* и когда старыя, прежде господствовавшія представленія объ этомъ предметѣ пошатнулись въ самыхъ своихъ основахъ. Намъ представляется поэтому чрезвычайно поучительнымъ — и особенно умѣстнымъ ко дню юбилея Достоевскаго — отмѣтить особое значеніе идей Достоевскаго въ томъ *кризисѣ гуманизма*, который за послѣдніе полвѣка переживаетъ европейское *человѣчество*.

Подъ *гуманизмомъ* (въ широкомъ смыслѣ слова, отнюдь не совпадающимъ съ тѣмъ специфическимъ смысломъ этого понятія, который ему придается общепринятой исторической терминологіей) мы разумѣемъ ту общую форму *вѣры въ человѣка*, которая есть порожденіе и характерная черта новой исторіи, начиная съ ренессанса. Ея существеннымъ моментомъ является *вѣра въ человѣка какъ таковаго* — въ *человѣка*, какъ бы представленнаго самому себѣ и взятаго въ отрывѣ отъ всего остального и въ противопоставленіи всему остальному — въ отличіе отъ того христіанскаго пониманія *человѣка*, въ которомъ *человѣкъ* воспринимается въ его отношеніи къ Богу и въ его связи съ Богомъ. Изъ титаническихъ, «*фаустовскихъ*» мотивовъ ренессанса рождается представленіе объ особомъ достоинствѣ *человѣка*, какъ существа, самовластно и самочинно устрояющаго свою жизнь и призваннаго быть верховнымъ, самодержавнымъ властителемъ надъ природой, надъ всей сферой земнаго бытія. Это движеніе приводитъ въ 17-омъ и въ особенности въ 18-мъ вѣкѣ къ культу профанной, секуляризованной *человѣчности* — къ провозглашенію достоинства и неотъемлемыхъ «естественныхъ»

правъ человѣка. Идея верховенства «народной воли» и идея «правъ человѣка», въ какія бы историческія коллизіи между собой онѣ ни вступали, суть одинаково выраженія этой вѣры въ человѣка, какъ самодержавнаго властелина надъ собой и надъ вселенской жизнью. Для обоснованія этого представленія развивается оптимистическое ученіе о прирожденной добротѣ и радушности человѣка. Человѣкъ самъ по себѣ, по «своей природѣ», всегда добръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей разумности, легко можетъ найти разумный путь къ осуществленію абсолютнаго добра въ своей жизни, если только предоставитъ ему свободу; въ этомъ воззрѣніи заключается самое существо такъ называемаго «просвѣтительства». Таковъ первый и наиболѣе вліятельный типъ оптимистическаго гуманизма, который въ идеяхъ либерализма, демократій и въ вѣрѣ въ «прогрессъ» господствуетъ надъ всѣмъ 19-ымъ вѣкомъ и въ своихъ популярныхъ проявленіяхъ до нашихъ дней опредѣляетъ міровоззрѣніе средняго европейца.

Но уже съ конца 18-го вѣка, въ «философіи чувства» и нѣмецкомъ «Sturm und Drang», и въ особенности съ начала 19-го вѣка, въ романтизмѣ и идеализмѣ, возникаетъ иная, новая форма гуманизма, которую можно назвать гуманизмомъ *романтическимъ*. Съ одной стороны, просвѣтительство оттолкнуло своимъ узкимъ рационализмомъ болѣе глубокія эстетически и религіозно живыя натуры; и, съ другой стороны, практической плодъ просвѣтительной философіи — французская революція внезапно обнаружившая человѣческое существо въ его слѣпомъ зломъ, демоническомъ началѣ, отвергавшемся просвѣтительствомъ — былъ какъ бы экспериментальнымъ обличеніемъ неправды и поверхностности просвѣтительнаго гуманизма. Въ романтизмѣ и идеализмѣ складывается новое понятіе о человѣкѣ, по которому сущность человѣка лежитъ не въ его «разумѣ», а въ томъ, что онъ есть средоточіе и вершина космическихъ силъ, нѣкій микрокосмъ; и «доброта» человѣка не есть здѣсь уже его прирожденное свойство, а есть плодъ духовнаго самовоспитанія человѣка. Такъ складывается идеаль «прекрасной души», «благородной человѣчности», какъ итога духовнаго самосовершенствованія человѣка, сознательнаго развитія въ немъ дремлющихъ божественно-космическихъ силъ. Здѣсь преодолѣнъ рационализмъ просвѣтительства, но не его оптимизмъ, который, напротивъ, лишь въ новой формѣ и здѣсь является основой пониманія существа человѣка.

Гуманизмъ просвѣтительный и гуманизмъ романтической въ своеобразныхъ сочетаніяхъ и вариантахъ проходятъ черезъ весь 19-ый вѣкъ. Однимъ изъ плодовъ ихъ сочетанія является въ 30-40-хъ годахъ такъ наз. «утопическій» — по существу гуманитарный — социализмъ, такъ сильно вліявшій на русскую

мысль вообще и въ частности на Достоевскаго въ его молодости. Но одновременно, въ лѣвомъ гегельянствѣ, въ философіи Фейербаха, въ сенсимонистской «реабилитаціи плоти», въ возникающемъ натурализмѣ и материализмѣ созрѣваетъ еще новая, третья и уже весьма проблематичная форма гуманизма — гуманизмъ *натуралистическій*. Въ немъ гуманистически возвышается и санкціонируется человѣкъ, уже не какъ «разумное» и не какъ духовное существо, а какъ существо природное, плотское. Теоретическую санкцію это воззрѣніе находитъ въ *дарвинизмѣ*. Возникаетъ проблематическій культъ земного, животного плотскаго существа человѣка, то, высмѣянное Вл. Соловьевымъ, парадоксальное сочетаніе идей, по которому высокое назначеніе и идеальная природа человѣка вытекаетъ изъ его существа, какъ потомка обезьяны. Въ *скрытой*, неосознанной формѣ здѣсь уже таится кризисъ разложеніе гуманистической вѣры.

Но вмѣстѣ съ этими разнообразными формами гуманизма 19-ый вѣкъ насыщенъ и духовными явленіями совсѣмъ иного порядка. 19-ый вѣкъ открывается чувствомъ «мировой скорби». Въ жизнеощущеніи Байрона, Леонарди, Альфреда Мюссе — у насъ въ Россіи у Лермонтова, Баратынскаго, Тютчева — въ пессимистической философіи Шопенгауера, въ трагической музыкѣ Бетховена, въ жуткой фантастикѣ Гофмана, въ грустной ироніи Гейне, звучитъ новое сознаніе сиротства человѣка въ мірѣ, трагической неосуществимости его надеждъ, безнадежнаго противорѣчія между интимными потребностями и упованіями человѣческаго сердца и космическими и социальными условіями человѣческаго существованія. Въ этихъ настроеніяхъ чувствуется какая то духота предгрозовой атмосферы; они предвѣщаютъ наступленіе подлиннаго кризиса гуманизма. Первое свое выраженіе этотъ кризисъ нашель у двухъ русскихъ умовъ, которые въ этомъ своемъ значеніи еще совсѣмъ не оцѣнены — у Гоголя и у Герцена. Гоголь своимъ художественнымъ взоромъ увидалъ у человѣка *звѣриную морду*, а своей религиозной мыслью — теоретически довольно безпомощной — ясно осозналъ одно: что человѣчество охвачено демоническими, дьявольскими силами и несется къ какой то ужасной катастрофѣ. Такимъ же крикомъ отчаянія, и вмѣстѣ съ тѣмъ мужественнымъ признаніемъ человѣка, потерявшаго всѣ иллюзіи, было «Съ того берега» Герцена: вѣра въ человѣка есть только слѣпой пережитокъ вѣры въ Бога, вѣра въ земную гармонию такъ же нелѣпа, какъ вѣра въ царствіе небесное; человѣкъ и его исторія есть только клочекъ слѣпой, бессмысленной и безчеловѣчной жизни природы, и потому всѣ упованія человѣка — лишь жалкія иллюзіи.

Подлинный кризисъ гуманистической вѣры обнаруживается на Западѣ въ двухъ явленіяхъ: въ революціонномъ со-

ціалізмъ, какъ онъ былъ теоретически обоснованъ въ марксизмъ, — и у Ницше. Въ марксизмъ натуралистическій гуманизмъ 40-хъ годовъ превращается — если можно икакъ выразиться — въ гуманизмъ *сатанинскій*; а это значить, что гуманизмъ здѣсь истребляетъ самъ себя. У Маркса дѣло идетъ не просто объ оправданіи земной, плотской природы человѣка; сущность экономического матеріализма и ученія о классовой борьбѣ заключается въ томъ, что именно силы *зла* — корысть, злоба, зависть — суть единственные подлинныя двигатели человѣческаго прогресса. Все возвышенное, духовное, благородное въ человѣкѣ *принципіально* отвергается; лишь предавшись сатанинскимъ силамъ, человѣкъ можетъ осуществить свою цѣль на землѣ. Здѣсь образъ человѣка окончательно меркнетъ; и не случайно, что именно въ этой же связи вѣра въ человѣческую личность смѣняется вѣрой въ безличное чудище «коллектива», «пролетаріата». Практически марксизмъ на Западѣ въ своемъ развитіи снова сочетался съ либерально-демократическимъ гуманитаризмомъ и потому не вызвалъ доселѣ своего подлиннаго существа; это существо его до конца раскрылось только въ русскомъ большевизмѣ.

У *Ницше* кризисъ гуманизма находитъ свое самое глубокое религіозно-философское выраженіе. Вѣра въ человѣка, выросшая нѣкогда изъ христіанскаго сознанія особой связи человѣка съ Богомъ, здѣсь *принципіально* отвергается въ самой своей основѣ. Мораль и религія, эти высшіе признаки человѣчности въ человѣкѣ, есть для *Ницше* лишь свидѣтельства низменной, жалкой, рабской природы человѣка. «Человѣкъ есть нѣчто, что должно быть преодолено» — въ этихъ словахъ *Ницше* подведенъ итогъ крушенію гуманизма. Не существо, поклоняющееся Богу и осуществляющее Божьи заветы на землѣ, а лишь существо, которое само было бы Богомъ — «сверхчеловѣкъ» — можетъ быть признано идеаломъ, тѣмъ объектомъ поклоненія, какимъ для гуманизма былъ человѣкъ.

Въ этой духовной ситуаціи западный міръ знакомится съ Достоевскимъ и съ его своеобразнымъ ученіемъ о существѣ человѣка. Достоевскій не зналъ ни марксизма, ни *Ницше*, но предвосхитилъ въ своихъ произведеніяхъ оба эти теченія. Достоевскій вообще замѣчательнымъ образомъ не подвергся вліянію теченій, выразившихъ въ 19-мъ вѣкѣ кризисъ гуманизма; напротивъ, начало его духовнаго развитія отмѣчено — какъ уже указано — вліяніемъ на него романтическаго и ранняго соціалистическаго гуманизма (*Шиллеръ*, *Жоржъ Зандъ*, *В. Гюго*). И все же никто, быть можетъ не продумалъ и не пережилъ съ такой глубиной кризисъ гуманизма, какъ Достоевскій. Но его особое, исключительное значеніе состоитъ въ томъ, что, пере-

живъ этотъ кризисъ, онъ сумѣлъ по своему, на совершенно новыхъ путяхъ, преодолеть его.

Общезвѣстно, съ какой силой и пронизательностью, съ какимъ безстрашіемъ Достоевскій открываетъ слѣпыя, темныя, злыя глубины человѣческаго существа, хаосъ дикихъ страстей, бушующихъ въ человѣческомъ сердцѣ, и описываетъ ихъ. Вниманіе, которое Достоевскій удѣляетъ темнымъ и низменнымъ началамъ человѣческаго духа, такъ велико, что породило довольно распространенное и доселѣ мнѣніе, что Достоевскій впадаетъ здѣсь въ неправдоподобныя преувеличенія (очевидно, именно на такое мнѣніе самъ Достоевскій отвѣчаетъ своимъ афоризмомъ, что «правда всегда неправдоподобна»), другіе и доселѣ способны видѣть въ Достоевскомъ только гениальнаго психопатолога, пронизательнаго изобразителя всяческихъ садистическихъ и мазохическихъ извращеній. Ясно во всякомъ случаѣ одно: отъ гуманистическаго оптимизма, отъ всякой идеализаціи человѣка Достоевскій безконечно далекъ. Человѣческое существо, какъ его рисуетъ Достоевскій, есть прямая противоположность и «разумному человѣку» просвѣтительства, и «прекрасной душѣ» романтизма. По Достоевскому зло, слѣпота, хаотичность, дисгармонія не только вообще присущи человѣку, но въ какомъ то смыслѣ связаны съ его послѣднимъ, глубиннымъ существомъ. Именно тамъ, гдѣ человѣкъ въ своихъ слѣпыхъ и разрушительныхъ страстяхъ возстаетъ противъ требованій разума, противъ всѣхъ правилъ приличія и общепризнанной морали — именно тамъ прорывается наружу, сквозь, тонкую оболочку общепризнанной эмпирической реальности, подлинная онтологическая реальность человѣческаго духа.

Но именно въ этомъ пунктѣ безпощадное обличеніе человѣка какъ-то само собой переходитъ въ своеобразное оправданіе человѣка. Мы ощущаемъ это прежде всего чисто эстетически: Достоевскій не отворачивается съ брезгливостью или презрѣніемъ ни отъ одного человѣческаго существа, какъ бы дико, зло и слѣпо оно ни было. Напротивъ, подобно матери, силой материнской любви чующей живую душу даже и преступнаго, опустившагося своего ребенка, Достоевскій противъ приговора всего свѣта становится на сторону человѣческой души во всей, столь ярко имъ же изображенной ея неприглядности. Передъ лицомъ морализирующаго общественнаго мнѣнія Достоевскій — призванный адвокатъ своихъ падшихъ, злыхъ, слѣпыхъ, буйствующихъ и бунтующихъ героевъ. Такъ какъ онъ ощущаетъ именно онтологическую глубину темныхъ, ирраціональныхъ сторонъ человѣческаго духа, то онъ непосредственно ощущаетъ какую то ихъ *значительность*, видитъ въ нихъ искаженные и замутненные признаки чего то истинно-великаго — какъ велика всякая

подлинная, послѣдняя реальность. Замѣчательно уже то, что всяческое зло въ человѣкѣ — ненависть, самолюбіе, тщеславіе, злорадство, и по большей части даже плотская похоть — для Достоевскаго не есть свидѣтельство бездушія, а, напротивъ, имѣетъ *духовное* происхожденіе, есть признакъ какой то особой напряженности духовной жизни. Въ конечномъ счетѣ оно проистекаетъ по Достоевскому изъ оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства и есть либо слѣпая месть за оскорбленное достоинство личности, либо попытка — хотя бы нелѣпымъ и разрушительнымъ образомъ — возстановить его попранныя права. Эта проникновенная догадка, вплотную приближающаяся къ аморализму, (но, въ силу центрального значенія понятія *вины*, никогда съ нимъ не совпадающая), напоминаетъ дерзновенную мысль Якова Беме о божественномъ первоисточникѣ того, что въ падшемъ мірѣ является зломъ.

Дѣло въ томъ, что та ирраціональная, неисповѣдимая, ни въ какія нормы добра и разума не вмѣщающаяся глубина человѣческаго духа, которая есть источникъ всего злого, хаотическаго, слѣпого и бунтарскаго въ человѣкѣ, есть по Достоевскому *вмѣстѣ съ тѣмъ* область, въ которой одной только можетъ произойти встрѣча человѣка съ Богомъ и черезъ которую человѣкъ пріобщается къ благоразумнымъ силамъ добра, любви и духовнаго просвѣтлѣнія. Ибо эта глубина — само существо человѣческой личности — въ послѣдней своей основѣ есть то таинственное начало, которое Достоевскій въ одномъ изъ набросковъ къ «Братьямъ Карамазовымъ» называетъ «*чудомъ свободы*». Это — та самая «глупая человѣческая волюшка», о которой, какъ о высшемъ, абсолютномъ благѣ, говоритъ «человѣкъ изъ подполья». Черезъ это начало ведетъ единственный путь человѣка къ Богу — другого пути, болѣе рациональнаго и безопаснаго, менѣе проблематическаго здѣсь быть не можетъ. Это есть по истинѣ «узкій путь», со всѣхъ сторонъ окруженный безднами грѣха, безумія и зла. Повидимому, Достоевскій держался даже мнѣнія, что духовное просвѣтлѣніе, обрѣтеніе даровъ благодати, безъ опыта грѣха и зла вообще невозможно. Во всякомъ случаѣ, онъ даетъ потрясающее своей правдой подтвержденіе той евангельской истины, что на небесахъ больше радости объ одномъ кающемся грѣшникѣ, чѣмъ о девяти праведникахъ. Этимъ опредѣляется совершенно своеобразный *гуманизмъ* Достоевскаго, въ которомъ открывается выходъ изъ кризиса всего прежняго гуманизма. Рѣшеніе Достоевскаго, въ сущности, чрезвычайно просто, какъ просто все истинно гениальное. *Достоинство* человѣка, его благополучіе, его право на уваженіе основаны не на какомъ-либо моральномъ или интеллектуальномъ совершенствѣ человѣка, не на

томъ, что онъ «разумень», «добрь» или обладаетъ «прекрасной душой», а просто на *глубинъ, онтологической значительности* всякой человѣческой личности. Эта глубина лежитъ «по ту сторону» добра и зла, разума и неразумія, благородства и низменности, красоты и безобразія; она именно глубже, первичнѣе, болѣе первоизданна, чѣмъ всѣ эти опредѣленія. Человѣкъ богоподобень не разумомъ и добротой, а тѣмъ, что загадочные послѣдніе корни его существа, на подобіе самого Бога, обладаютъ тайнственностью, неизслѣдимостью, сверхраціональной творческой силой, безконечностью и бездонностью. «Не человекъ для субботы, а суббота для человека». Всѣ, даже самыя идеальныя мѣрила добра, правды и разума меркнутъ передъ величіемъ самой *онтологической реальности* человѣческаго существа.

Этимъ опредѣлена глубокая, трогательная *человѣчность* нравственнаго міросозерцанія Достоевскаго. Можно сказать, что Достоевскому, въ сущности, впервые удался настоящій, *подлинный* гуманизмъ — просто потому, что это есть христіанскій гуманизмъ, который во *всякомъ*, даже падшемъ и низменномъ человѣкѣ, видитъ человека, какъ образъ Божій. Во всѣхъ прежнихъ формахъ гуманизма человекъ долженъ былъ являться какъ то пріукрашеннымъ и принаряженнымъ, чтобы быть предметомъ поклоненія. Для почитанія человека нужно было забыть о грубой, тяжелой реальности и отдаться обманчивымъ иллюзіямъ. Напротивъ, гуманизмъ Достоевскаго выдерживаетъ всякую встрѣчу съ трезвой реальностью, его ничто въ мірѣ не можетъ поколебать. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что здѣсь мы имѣемъ одно изъ величайшихъ духовныхъ достижений человѣческаго сознанія. Въ наше жестокое время, когда образъ человека начинаетъ меркнуть и презрѣніе къ человеку грозитъ пошатнуть самыя основы общежитія, вѣра въ человека можетъ найти свою единственную опору только въ томъ отношеніи къ человеку, которое обрѣлъ Достоевскій. Гуманизмъ долженъ либо окончатльно погибнуть, либо воскреснуть въ новой — и вмѣстѣ съ тѣмъ исконной и древней — формѣ — въ формѣ *христіанскаго гуманизма*, которую для современнаго человека открылъ Достоевскій.

С. Франкъ.